

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Мейлахс Петр Александрович

Социальная рефлексия наркотической ситуации в Санкт-Петербурге

Специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Санкт-Петербург
2007

Диссертация выполнена на кафедре теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: Доктор социологических наук, профессор
Первова Ирина Леонидовна

Официальные оппоненты: Доктор юридических наук, профессор
Гишинский Яков Ильич

Кандидат социологических наук, доцент
Белоусов Константин Юрьевич

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный морской
технический университет

Защита состоится « ____ » _____ 2007 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.13 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 193060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд, факультет социологии, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2007 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат социологических наук

Н.В. Соколов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ:

Актуальность исследования:

В настоящее время потребление наркотиков в немедицинских целях является одной из наиболее острых социальных проблем современной России. Опасности, связанные с наркотизмом, включают в себя: угрозу здоровью потребителей наркотических веществ, наличие в обществе организованных преступных групп, занимающихся производством и сбытом наркотиков, преступлений, связанных с добычей денег на приобретение наркотиков, и репрессивной политикой государственных институтов, преследующих рядовых потребителей наркотиков.

Стремительный рост наркопотребления в России за последние 20 лет сопровождался увеличением числа социологических исследований, ставящих целью осмысление наркотизма как *социального* феномена в изменившихся российских условиях. Несмотря на то, что результаты этих работ заметно расширили понимание социальной природы наркотизма, этот феномен во многих отношениях продолжает оставаться одним из самых мифологизированных как в массовом, так и в профессиональном сознании. Не в последнюю очередь это связано с тем, что для ряда российских социологических исследований характерно недостаточно рефлексивное принятие понятий, используемых для анализа потребления наркотиков, выработанных в медицинском и юридическом дискурсах. Другой особенностью множества российских социологических исследований наркотизма является чрезмерный и практически исключительный акцент на потребителях психоактивных веществ или группах риска, подверженных опасностям наркотизации, в то время как медицинские, правоохранительные институции, а также средства массовой информации, чья деятельность во многом определяет государственную политику в отношении наркотиков, так и формирование представлений о проблеме наркотиков в массовом сознании, редко становятся предметом социологического анализа. Кроме того, не хватает детальных исследований того, как медицинский и юридический дискурсы наркотизма воспринимаются в обществе, поскольку опросы общественного мнения, затрагивающие эти вопросы, носят лишь фрагментарный характер. Таким образом, в российской социологической науке складывается ситуация, когда анализ всего сложного спектра вопросов, связанного с наркотизмом, фактически сводится к изучению девиантного поведения индивидов, тогда как другие акторы пространства наркотизации оказываются вне фокуса социологической рефлексии.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения наркотизма как социальной проблемы, определяемой не только наличием в обществе наркопотребления, но и деятельностью медицинских, правоохранительных институций и СМИ, занимающихся продвижением своего видения наркопотребления на аренах общественного дискурса и действия.

Степень разработанности проблемы:

Первые российские исследования наркотизма были выполнены во второй половине XIX века этнографами и медиками (С. Моравицкий, Н. Реймер, А. Эрлемейер), что связано с тем, что основными потребителями наркотиков в то время были представители народов Средней Азии и медицинские работники. Всплеск употребления наркотиков, порожденный Первой мировой и последующей Гражданской войнами, привел к тому, что наркотизм стал объектом исследования множества российских ученых, ряд из которых впоследствии были признаны классиками российской криминологии и медицины (М. Гернет, Р. Голант, Н. Топорков, В. Шоломович). Наступление сталинской диктатуры сделало невозможным изучение различных девиаций, включая наркотизм. О наркомании можно было писать лишь под рубрикой «их нравы», подразумевая Запад и западные проблемы. Только в период «оттепели» в рамках медицинской и юридической дисциплин изучение наркотизма возобновляется.

Первое крупное *социологическое* исследование наркотизма, основывающееся на данных опросов, было выполнено в Грузии в 1967-1972 годах под руководством А. Габиани, которому удалось получить поддержку партийных органов и МВД республики для проведения исследования. Публикация этой работы состоялась лишь пять лет спустя с грифом «Для служебного пользования». Вплоть до начала перестройки, практически все, что было связано с наркотизмом в СССР, находилось в глубокой секретности, а проблемы, сопряженные с потреблением наркотиков некоторой частью граждан страны, не выносились на общественное обсуждение. Этот факт, наряду с маргинальным статусом социологии как науки в СССР, обусловил значительное отставание отечественных социологических исследований наркотизма от работ выполненных на Западе, где потребление наркотиков интенсивно изучалось на эмпирическом уровне и концептуализировалось в рамках самых разных социологических подходов в течение десятилетий.

Так, наркотизм анализировался в рамках различных теорий девиантного поведения, таких как теория социальной дезорганизации (У. Гроувс, Г. МакКей, У. Уилсон, К. Шо); теория дифференциальной ассоциации (Р. Айкерс, Б. Гласснер, Б. Джонсон, Дж. Лафлин, Д. Матца, Э. Сазерленд, Г. Сайкс, В. Шо); теория социального контроля (Дж. Белски, У. Бронфенбреннер, Т. Хирши); теория напряжения (Р. Агню, Р. Клоуард, А. Коэн, Р. Мертон, Л. Оулин); теория ярлыков (Дж. Ковингтон, Г. Беккер, Э. Лемерт, Дж. Мейнтц, Дж. Уильямс, Р. Ферст); марксистских теорий девиации (Д. Гордон, К. Мейер, Р. Миллер, Дж. Рейман, Дж. Янг). Кроме того, наркотизм рассматривался в конструктивистской теории социальных проблем – ученые этого направления исследовали историю криминализации различных психоактивных веществ и генеалогию понятий, выработанных в медицинском и юридическом дискурсах наркотизма, а также анализировали общественные моральные паники вокруг наркотиков (Н. Бен-Йехуда, П. Конрад, Э. Гуд, Г. Хардинг, Г. Левин, Дж. Оркатт, К. Рейнарман, Дж. Шнайдер, Дж. Тернер). Подобный плюрализм подходов в исследованиях наркотизма позволил получить громадное разнообразие эмпирических данных по множеству параметров этого феномена и осмыслить ряд социальных последствий употребления наркотиков – задача невыполнимая в рамках одной теории.

С началом перестройки в СССР число отечественных исследований наркотизма значительно возрастает. С одной стороны это объясняется тем, что употребление наркотиков в стране стало легитимной темой для общественного обсуждения, а с другой – ростом потребления наркотиков. До конца 80-х гг. большая часть таких работ выполнялась в рамках доминировавших в советское время юридических и медицинских дисциплин, однако в начале 90-х гг. наркотизм все чаще становится объектом изучения российских психологов и социологов.

К числу наиболее заметных исследований наркомании, проведенных специалистами-медиками, относятся труды Э. Бабаяна, С. Белогурова, В. Битенского, М. Гонопольского, Б. Гузикова, А. Данилина, И. Данилиной, В. Дунаевского, А. Личко, В. Менделевича, Д. Менделевича, И. Пятницкой, В. Ревзина, А. Софронова, В. Стяжкина, П. Шабанова, О. Штакельберга. Практически одновременно с публикациями специалистов-медиков появляются исследования юристов и представителей правоохранительных органов, анализирующие наркотизм как феномен преступности – Ю. Аврутина, Г. Ахмедова, Т. Боголюбовой, С. Гусева, Г. Зазулина, М. Кадырова, Б. Калачева, Ю. Леонтьева, В. Лунеева, Л. Прокументова, А. Сергеева, Б. Улицкого и др. Кроме того, зависимое поведение оказывается в фокусе внимания российских психологов. Психологические механизмы формирования зависимости от психоактивных веществ, а также личностные факторы, способствующие формированию зависимого поведения, изучались – С. Березиным, В. Битенским, И. Гурвичем, С. Гурским, В. Зобневым, Д. Колесовым, А. Колеченко, К. Лисецким, А. Личко, А. Реаном, Л. Регуш, В. Шабалиной и др. Специфика социальной работы с наркозависимыми и группами риска рассматривалась в работах О. Бородкиной, Ю. Верминенко, В. Келасьева, И. Первой, В. Середы, А. Соловьева, Е. Студеновой, М. Фирсова, Н. Чельшевой и др.

Большую роль в понимании наркотизма как *социального* феномена позднего СССР/новой России сыграли исследования ученых-социологов, проведенные во времена перестройки и первые послеперестроечные годы, – В. Афанасьева, Я. Гилинского, Б. Левина, М. Левина, В. Лисовского, М. Поздняковой, М. Русаковой, Г. Саганенко, Г. Силласте, В. Чудновского и др. Результаты этих исследований дали обширную информацию о факторах и механизмах приобщения к наркотикам, о ценностных установках, способствующих началу наркотизации, о связи наркотизма с другими формами девиантного поведения.

Резкий рост наркопотребления в России, отмечающийся с середины 90-х годов, сопровождался увеличением числа работ, посвященных социологическому анализу наркотизма, выполненных с использованием как количественных, так и качественных методов. При этом стоит отметить появление социологических исследований критического характера, в которых доминирующие медицинский и юридический дискурсы наркотизма, а также дискурс СМИ о наркотиках становятся объектом социологической рефлексии (У. Блюдина, Я. Гилинский, О. Доброштан, Л. Кесельман, И. Костерина, Е. Лукьянова, М. Мацкевич, Е. Омельченко, Н. Федорова и др.).

Несмотря на то, что российская социология проделала большой путь в изучении наркотизма, и от неререфлексивного принятия понятий, выработанных в доминирующих медицинских и юридических дискурсах наркотизма, характерного для конца 80-х, начала 90-х гг., постепенно переходит к включению этих дискурсов в качестве *объектов*, а не *предпосылок* социологического анализа, ее по-прежнему характеризует чрезмерно узкая сосредоточенность на потребителях наркотиков и группах риска, тогда как основные агенты, определяющие общественную рефлексии наркотизма (медики, представители правоохранительных органов, юристы, СМИ), достаточно редко становятся объектом социологического осмысления.

Тем не менее, социальная проблема наркотиков заключается не в простом наличии в обществе потребителей наркотиков, а во всем огромном пространстве социальных взаимодействий и столкновений различных групп, пытающихся определить или переопределить ситуацию вокруг наркотиков в тех или иных целях. Именно поэтому, чрезвычайно важной является задача изучения того, что утверждается этими группами в отношении наркотиков, а также того, как эти утверждения воспринимаются в социуме.

Цель и задачи исследования:

Целью диссертационного исследования является изучение социальной рефлексии наркотической ситуации в Санкт-Петербурге.

Поставленная цель реализуется с помощью решения следующих **исследовательских задач**:

1. Обзор различных социологических подходов, применяемых в мировой и отечественной социологии для анализа наркотизма, и обоснование использования конструктивистской парадигмы для исследования наркотизма как социальной проблемы;

2. Теоретическое описание социальной проблемы наркотиков с помощью аналитического инструментария конструктивистской парадигмы социальных проблем.

3. Анализ юридического и медицинского дискурсов о наркотиках и построение с его помощью идеалтипических моделей наркотизма.

4. Изучение отношения различных групп населения к типизациям наркотиков, наркопотребления и наркопотребителей, сконструированных в юридических и медицинских институциях, в том числе:

- определение отношения различных групп населения к параметрам уголовно-правовой и медицинской моделей наркотизма;
- анализ того, как эти параметры соотносятся друг с другом в массовом сознании;
- определение факторов, влияющих на приверженность респондента медицинской и/или уголовно-правовой модели наркотизма по их различным параметрам.

5. Анализ конструирования петербургскими печатными СМИ проблемы наркотиков за период с 1997 по 2005 год в контексте общероссийской ситуации, в том числе:
- определение дискурсивных стратегий СМИ, направленных на конструирование чувства повышенной опасности наркомании;
  - определение мобилизационных стратегий СМИ и стратегий по легитимации продвигаемого определения ситуации;
  - анализ того, как в СМИ конструируется образ «другого» - наркозависимого;
  - описание взаимоотношений СМИ с различными акторами антинаркотического пространства Санкт-Петербурга;
  - анализ факторов, повлиявших на изменение положения проблемы наркотиков в пространстве внимания СМИ, и определение влияния общего социального контекста современной России на это изменение.

Объект исследования:

Наркотическая ситуация в Санкт-Петербурге как социальная проблема

Предмет исследования:

Дискурсы о наркотиках медицинских и юридических институций, их восприятие в общественном сознании, дискурс о наркотиках в СМИ.

Гипотезы исследования:

1. Конкуренция в определении различных аспектов проблемы наркотиков между доминирующими медицинскими и юридическими институциями приводит к тому, что в общественном сознании нет четкой приверженности медицинской или уголовно-правовой модели наркотизма.

2. Доминирование в течение десятилетий репрессивной политики в отношении потребителей наркотиков имеет своим следствием то, что, несмотря на амбивалентность общественного сознания по поводу проблемы наркотиков, уголовно-правовая модель наркотизма встречает большую поддержку у населения в целом, чем медицинская.

3. Различие в условиях социализации доперестроечного и послеперестроечного поколений россиян приводит к тому, что младшее поколение оказывает меньшую относительную поддержку уголовно-правовой модели наркотизма, по сравнению с более старшими поколениями.

4. Конструирование в петербургских СМИ проблемы наркотиков в 1997-2003 годах носило характер моральной паники.

5. Конструирование проблемы наркотиков в российских и петербургских СМИ явилось частью более общей борьбы за моральные границы сообщества, обусловленной глубоким кризисом политического, экономического, социального и морального порядков, характеризовавшего Российское государство на рубеже тысячелетий.

Теоретико-методологическая основа исследования:

Основную теоретическую рамку исследования составляют положения конструктивистской теории социальных проблем, принципиальный вклад в развитие которой внесли Дж. Бест, Г. Блумер, Ч. Боск, Дж. Гасфилд, Дж. Китсьюз, П. Конрад, Д. Лазик, М. Спектор, С. Хилгартнер, Дж. Шнайдер и др. В российской социологии конструктивистский подход к социальным проблемам применялся Е. Богдановой, Е. Еремичевой, И. Климовым, И. Костериной, Ю.Симпурой, Е. Ярской-Смирновой, И. Ясавеевым и др. Применительно к феномену наркотизма конструктивистская формулировка социальной проблемы наркотиков определяется следующим образом: *социальная проблема наркотизма состоит в активности определенных индивидуумов или групп, выказывающих недовольство и выступающих с требованиями в отношении употребления в обществе веществ, считающихся в нем наркотиками, в немедицинских*

целях. Таким образом, согласно этому подходу, социальная проблема наркотиков состоит не в условии (потреблении наркотиков), а в совокупности процессов определения этого условия различными группами (участниками антинаркотического пространства)¹.

Другой важной теоретической рамкой, используемой в исследовании, является концепция «медицинской модели» и «моральной (уголовно-правовой) модели» девиантности вообще, и наркотизма в частности, сформулированная и развиваемая в русле интеракционистского подхода к анализу девиантности П. Конрадом, Дж. Оркаттом, К. Фокс, Э. Фридсоном, Дж. Ходоном, Дж. Шнайдером и др. Медицинская модель рассматривает наркотизм как феномен болезни, а уголовно-правовая – преступности.

Третьей теоретической рамкой, лежащей в основе диссертационного исследования, послужили положения теории моральных паник, применяемой для анализа различных социальных проблем (включая наркотизм) Н. Бен-Йехудой, Э. Гудом, Ф. Дженкинсом, С. Коэнэм, Ч. Критчером, К. Томпсоном, С. Холлом и др. Моральная паника понимается как преувеличенная социетальная реакция на то или иное условие, не соответствующая степени его реальной опасности.

Кроме того, для исследования связи проблемы наркотиков с воспроизводством и изменением социального и морального порядков, в работе использовались различные элементы социокультурной теории рисков (М. Гарлэнд, М. Дуглас, Д. Лаптон, В. Руссель, Я. Хэкинг) и теории символических и моральных границ (Н. Бейзель, Н. Бен-Йехуда, М. Лямон, М. Фурье).

Методология исследования задействовала как количественные, так и качественные методы. Количественные методы исследования – анкетный опрос и контент-анализ по теме наркотиков в петербургской и российской периодике; качественные методы – критический дискурс-анализ текстов о наркотиках профессиональных и популярных изданий.

В исследовании было решено исследовать позиции трех групп респондентов. Этими группами являются: младшее поколение, выросшее в условиях нового постперестроечного социального климата современной России, которые принадлежат к «группе риска» с точки зрения употребления наркотических веществ (учащиеся старших классов школ); среднее поколение россиян, которые находятся в наиболее активной фазе своего жизненного курса и не принадлежат к «группе риска» (родители школьников); старшее поколение – одна из наиболее активных электоральных групп, большая часть жизни которых прошла в советский период российской истории (также не принадлежащих к «группе риска») – пенсионеры.

Эмпирическая база исследования:

В исследовании использовались данные из различных источников:

1. Данные опроса родителей и учащихся старших классов, проведенного в мае 2004 и сентябре 2004 года в Приморском и Красногвардейском районах Санкт-Петербурга. Общий объем выборки – 1055 человек (объем подвыборки учащихся – 804 респондента; подвыборки родителей – 251 респондента).

2. Данные опроса пенсионеров, проведенного в декабре 2005 года в районном центре социального обслуживания пенсионеров Московского района, а также методом «снежного кома». Объем выборки – 237 человек.

3. Тексты публикаций в петербургских газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Невское время», «Час пик» и «Вечерний Петербург», посвященных теме наркомании, за период с 1997 по 2005 год включительно. Кроме того, для сравнения петербургской ситуации с общероссийской, анализировались статьи посвященные проблеме наркомании в центральных средствах массовой информации – «Российской газете», «Независимой газете»,

---

¹ Конструктивистский подход к анализу социальных проблем не отменяет необходимость исследования самого условия (потребления наркотиков в обществе) – его распространенности, социальных факторов наркотизации, социально-демографических характеристик потребителей наркотиков и т.п. Конструктивистская парадигма исследует совершенно отличную от объективистской проблематику и, поэтому, согласно сформулированному Т. Куном основному различию между парадигмами, несоизмерима с ней.

«Известиях», «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», «Коммерсанте», «Советской России» за тот же период.

Научная новизна исследования:

1. Научный аппарат конструктивистской теории социальных проблем впервые был применен для масштабного исследования социальной проблемы наркотиков в России.

2. Разработаны медицинская и уголовно-правовая модели наркотизма, с выделением семи параметров, превосходящие по уровню детализированности и полноты аналоги, использовавшиеся до этого в социологии девиантного поведения.

3. Разработана и апробирована методика изучения общественного мнения о наркотиках и наркотизме, показывающая насколько общество разделяет/отвергает взгляды на определение наркотиков, причины наркотизации, личность наркозависимого и решение проблем, связанных с употреблением наркотиков, которые продвигаются основными агентами, определяющими государственную политику и общественную рефлексию наркотизма – медицинскими и юридическими институтами.

4. На основе авторской методики собраны эмпирические данные о социальной рефлексии наркотизма, которые впервые вводятся в российскую научную дискуссию о наркотизме.

5. Определена специфика конструирования социальной проблемы наркотиков в петербургских СМИ за девятилетний период в контексте общероссийской ситуации, в ходе которого были изучены дискурсивные стратегии СМИ по конструированию проблемы наркотиков, описаны взаимоотношения СМИ с различными акторами антинаркотического пространства и проанализированы факторы, повлиявшие на изменение положения проблемы наркотиков в пространстве внимания СМИ.

Практическая значимость исследования:

Разработанная методика эмпирического исследования может быть использована для изучения общественного мнения о наркотиках и наркотизме на общероссийском уровне. С ее помощью можно получить более полную информацию о социальной рефлексии наркотизма, чем та, что появляется в результате большинства стандартных вопросов о наркотиках, которые задают своим респондентам современные российские центры изучения общественного мнения. Ряд выводов, сделанных в ходе диссертационного исследования, может быть использован в информационной антинаркотической политике, антинаркотических программах и PR-кампаниях антинаркотической направленности. Они также могут быть применены в процессе антинаркотической профилактической и реабилитационной работы с наркозависимыми и их родственниками. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе по специальностям: социология, социальная работа.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Уголовно-правовая и медицинская модели наркотизма отличаются друг от друга по таким параметрам как:

- определение наркотиков и наркотизма
- причины наркотизации индивида
- ответственность индивида
- статус индивида (больной/преступник)
- тип коррекционных мер применяемых к наркопотребителям
- тип аргументации и стиль
- индивидуализм и коллективизм.

2. У пенсионеров, родителей и учащихся школ нет четкой и однозначной приверженности медицинской или уголовно-правовой модели наркотизма. Отношение этих групп к этим моделям носит амбивалентный характер, проявляющийся в том, что по одному

параметру респонденту оказывается ближе уголовно-правовая модель наркотизма, а по другому – медицинская, несмотря на то, что эти позиции могут быть несовместимы в рамках одного идеального типа.

3. Несмотря на выявленную амбивалентность, уголовно-правовая модель пользуется большей поддержкой во всех исследуемых группах. Вместе с тем, младшее поколение выказало ей меньшую поддержку, по сравнению со старшими поколениями.

4. В противовес распространенной в общественном дискурсе дихотомической категоризацией наркозависимых в качестве *либо* преступников, *либо* больных, для значительного числа респондентов эти категории не являются взаимоисключающими.

5. Отношение респондента к ужесточению преследования наркопотребителей зависит не от вменяемой индивиду ответственности («вины») за потребление наркотиков, а от степени ощущаемой опасности наркотизма и наркозависимого. Чем больше страх перед наркопотребителями, тем более оправданным выглядит ужесточение их преследования.

6. Начиная с 2001 года, когда отмечался пик внимания СМИ к проблеме наркотиков, интерес прессы к этой проблеме как в целом по России, так и в Санкт-Петербурге продолжает падать. Моральная паника вокруг наркотиков в Санкт-Петербурге наблюдалась в краткий период времени начала 2002 года, когда СМИ презентировали ситуацию с наркотиками как катастрофическую и использовали различные стратегии по демонизации наркопотребителей.

Апробация результатов исследования:

Основные положения диссертации были изложены в 11 публикациях и представлены на следующих семинарах и конференциях.

1. Доклад «Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ». Семинар в Центре независимых социологических исследований. Санкт-Петербург, 2004 г.
2. Доклад «Публичное пространство в дискурсе российского неоморализма» на международной научно-практической конференции «Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире». Санкт-Петербург, 2004 г.
3. Доклад «Наркомания в криминальном и медицинском дискурсах» на 11-ой международной конференции. «Ребенок в современном мире. Государство и дети». Санкт-Петербург, 2004 г.
4. Доклад «Человек наркозависимый: анатомия медицинского и криминального дискурсов наркомании» на международной научной конференции «Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность». Тольятти, 2005 г.
5. Доклад «Отношение родителей и школьников к проблеме наркотиков» на международном форуме «Антинарко-2005». Санкт-Петербург, 2005 г.
6. Доклад «Наркомания в пространстве внимания печатных СМИ» на международной научной конференции «Здоровье в изменяющемся обществе: дискурс, политика, повседневность современной России». Санкт-Петербург, 2005 г.

Структура диссертации:

Диссертация объемом 189 страниц состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Список литературы включает 272 источника, из них 157 на иностранном языке.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ:

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи исследования, формулируются основные гипотезы исследования, предлагается понятийный аппарат, демонстрируется научная новизна и практическая значимость работы.

ГЛАВА 1. Теоретико-методические основы изучения наркотизма.

В первом параграфе «Основные подходы к изучению наркотизма» дается краткое описание подходов различных дисциплин к изучению феномена употребления наркотиков и представлен анализ наркотизма с точки зрения основных теорий девиантного поведения.

Традиционно употребление наркотиков рассматривалось в русле четырех академических дисциплин: медицины, психологии, юриспруденции и социологии. В медицине основное внимание уделяется наркомании, то есть заболеванию, возникающему вследствие хронического (систематического) потребления наркотических веществ. В психологии акцент делается на рассмотрении наркозависимости как одного из видов аддиктивного поведения – злоупотреблении одним или несколькими химическими веществами, протекающем на фоне измененного состояния сознания. Юристы и сотрудники правоохранительных органов концентрируют свое внимание на различных феноменах преступности, которыми сопровождается употребление наркотиков, таких как их хранение, изготовление и продажа, наркотрафик и организованная преступность, а также связь употребления наркотиков с другими видами преступлений. Социология занимается изучением всего комплекса социально-культурных феноменов, связанных с употреблением наркотиков в обществе, т.е. наркотизма.

В социологии наркотизм, как правило, рассматривается в качестве одного из проявлений девиантного поведения. Социологические подходы к изучению наркотизма подчеркивают его социальные детерминанты. В рамках этих подходов исследуются социальные факторы наркотизма, определяются особенности социализации, способствующие наркотизации индивидов, изучаются ценности и нормы, препятствующие или способствующие вовлечению в потребление наркотиков, а также оцениваются социальные последствия наркотизма.

Согласно *теориям социальной дезорганизации* (У. Гроувс, Г. МакКей, У. Уилсон, К. Шо) наркотизм является следствием социальной дезорганизации различных сегментов общества. Наркотизм – это, одновременно, и симптом социальной дезорганизации и реакция на нее. *Теории дифференциальной ассоциации* (Р. Айкерс, Б. Гласснер, Б. Джонсон, Дж. Лафлин, Д. Матца, Э. Сазерленд, Г. Сайкс, В. Шо) рассматривают наркотизацию индивидов как продукт их социализации в определенной субкультуре, где принято употребление наркотиков. В *теориях социального контроля* (Дж. Белски, У. Бронфенбреннер, Т. Хирши) наркотизм предстает как результат ослабления различных механизмов социального контроля. В рамках *теорий структурного напряжения* (Р. Агню, Р. Клоуард, А. Коэн, Р. Мертон, Л. Оулин) потребление наркотиков индивидами видится как один из адаптационных механизмов, позволяющий им преодолеть структурное напряжение между культурно определяемыми обществом целями и легитимными способами их достижения. Ученые, исследующие наркотизм с позиций различных *теорий конфликта*, в большей мере заняты анализом общественной реакции на потребление наркотиков. Так, *теория стигматизации* (Дж. Ковингтон, Г. Беккер, Э. Лемерт, Дж. Мейнтц, Дж. Уильямс, Р. Ферст) исследует процессы и влияние этикетирования, де-этикетирования и ре-этикетирования в отношении употребления наркотиков, зависимости от них, лечения наркомания и воздержания от наркотиков. Лейтмотивом различных приложений *марксистской парадигмы* (Д. Гордон, К. Мейер, Р. Миллер, Дж. Рейман, Дж. Янг) к анализу наркотизма выступает положение, что прогибиционистская политика в отношении наркотиков создает «опасные» классы и маргинализирует их; при этом ядром для формирования таких «опасных» классов являются представители беднейших слоев и других бесправных групп, включающих в себя иммигрантов и молодежь. Война с наркотиками порождает и распространяет антагонизм, страх, преступность, насилие, и, в конечном счете, ведется в интересах правящей элиты, преследующей свои политические и материальные цели. *Феминистские теории* девиантности (Ф. Адлер, К. Дэйли, М. Чесни-Лид) подчеркивают роль патриархата и гендерного неравенства, способствующие наркотизации женщин, а также их эксплуатацию наркодельцами и наркозависимыми партнерами.

Во **втором параграфе** «Наркотизм как предмет изучения российских исследований» описана история изучения наркотизма российскими исследователями. В связи с тем, что данная работа представляет собой попытку *социологического* осмысления наркотизма, основное внимание в этом параграфе уделено исследованиям наркотизма, проведенным учеными-социологами.

Первые российские исследования наркотизма были проведены во второй половине XIX века (С. Моравицкий, Н. Реймер, А. Эрлемеер). Первоначально, употребление наркотиков интересовало две основные категории исследователей: тех, что изучали нравы различных народов, населяющих Российскую империю (этнографов) и медиков. Это связано с тем, что в то время главными потребителями наркотиков были народы Средней Азии и сами врачи. Настоящий всплеск употребления наркотиков в России породили Первая мировая война и последовавшая за ней революция и Гражданская война. Этот этап характеризуется большим числом работ, посвященных наркотизму, классиков российской криминологии и медицины (М. Гернет, Р. Голант, Н. Топорков, В. Шоломович).

С наступлением сталинской диктатуры исследования различных «социальных язв», включая наркотизм, становятся практически невозможными. Это связано с тем, что любые девиации рассматривались в то время лишь как проявления капиталистического строя, которые вместе со становлением молодого советского государства должны были отмереть «сами собой». Наступил глубокий кризис советской социологии в целом. Исследования различных девиаций отныне могли быть опубликованы лишь под рубрикой «их нравы».

В 50-х, начале 60-х гг., в период хрущевской оттепели, некоторый интерес к наркотизму возрождается. В целом он по-прежнему рассматривался как явление, присущее западному образу жизни, – считалось, что в СССР его проявления ограничиваются единичными случаями экспериментирования отдельных граждан с наркотиками. Отношение к потребителям наркотиков было, прежде всего, как к преступникам, поддавшимся искушению западной моды. Лишь в конце 60-х гг. это отношение стало меняться – наркозависимых стали рассматривать как больных людей, нуждающихся в медицинской помощи.

Первое в российской социологии исследование наркотизма, основывающееся на эмпирических данных, было выполнено в Грузии А. Габиани. В книге, опубликованной в 1977 году, содержались результаты проделанной работы, которые включали в себя историко-теоретический раздел, методологическую часть, изложение результатов эмпирического исследования, схему деятельности преступных групп по распространению наркотиков, а также программу медицинских, правовых и организационных мер по борьбе с наркотизмом.

Период перестройки и гласности ознаменовался резким ростом числа работ, посвященных изучению наркотизма. Большое значение в понимании наркотизма как социального феномена сыграли труды ученых-социологов, выполненные во времена перестройки и первые послеперестроечные годы, которые легли в основу современных российских исследований наркотизма – В. Афанасьева, Я. Гилинского, Т. Ивановой, Б. Левина, М. Левина, Г. Лукачера, Н. Макшанцевой, М. Поздняковой, М. Русаковой, Г. Силласте, В. Чудновского и др.

Рост наркопотребления в России, произошедший в 90-х годах, отразился и на интересе профессиональных социологов к этой тематике. С этого времени заметно увеличивается число работ, посвященных социологическому осмыслению наркотизма, и, в первую очередь, молодежного наркотизма (У. Блюдина, Я. Гилинский, О. Доброштан, Л. Кесельман, Э. Колесникова, И. Костерина, В. Лисовский, Е. Лукьянова, М. Мацкевич, Е. Омельченко, Н. Федорова и др.).

Российская социология проделала большой путь в изучении наркотизма. Отходя от нерелексивного принятия понятий, выработанных в доминирующих медицинских и юридических дискурсах наркотизма, характерного для конца 80-х, начала 90-х гг., российские социологи все чаще выступают с *социологической* критикой этих дискурсов и

анализируют феномен наркотизма на основе репертуара концепций, развиваемых как в объективистской, так и в конструктивистской парадигмах мировой социологической науки. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев объектом изучения российских социологов по-прежнему являются потребители наркотиков и группы риска, тогда как конструктивистский подход к социальной проблеме наркотиков, фокусирующий внимание на группах, выступающих с определением ситуации вокруг наркотиков, остается гораздо менее востребованным.

Третий параграф «Проблема наркотизма в рамках конструктивистской теории социальных проблем» посвящен обоснованию конструктивистского подхода к изучению социальных проблем и применению аналитического инструментария этого подхода к социальной проблеме наркотизма.

Социологические подходы, обсуждавшиеся до этого, рассматривали наркотизм как форму девиантного поведения. В конце 60-х гг. в Америке появляется новая парадигма изучения наркотизма, в которой употребление наркотиков стало анализироваться с точки зрения конструктивистской *теории социальных проблем*. Этот подход позволяет дать более полное описание социальной проблемы наркотиков, чем теории девиантного поведения, в фокусе которых находится индивидуальное поведение индивидов, употребляющих наркотики. Основной задачей для конструктивистской теории социальных проблем является не поиск причин наркотизации индивидов, а достижение понимания того, почему наркотизм становится социальной проблемой и каким образом (с помощью какой системы категорий) он проблематизируется. Социологи, работающие в этой парадигме, изучают, как потребление наркотиков категоризируется различными социальными и профессиональными группами, какие причины употребления наркотиков и причины выхода из «наркотической эпидемии» конструируются различными акторами, и, в первую очередь, теми из них, кто оказывает влияние на государственную антинаркотическую политику. С точки зрения конструктивистской парадигмы, социальная проблема наркотиков выражается не в том, что кто-то употребляет в обществе вещества, считающиеся в нем наркотическими (и даже не в большом количестве таковых), а во всем огромном пространстве социальных взаимодействий и столкновений различных групп, пытающихся определить или переопределить ситуацию вокруг наркотиков в тех или иных целях.

Трансформация доминирующей системы типизаций употребления наркотиков в немедицинских целях может иметь следующие объективные последствия: 1) изменить легитимную власть, регулирующую употребление наркотиков в обществе; 2) изменить значение употребления наркотиков; 3) изменить юридический статус употребляющего наркотики; 4) изменить саму норму или содержание девиантной категории; 5) изменить арену, где происходит идентификация и «экетирование» употребляющих наркотики, а также словаря, с помощью которого это делается; 6) произвести изменение в режиме вмешательства; 7) действовать как дорожный знак, указывающий на то, какие данные следует собирать и на чем фокусировать внимание; 8) изменить атрибуцию ответственности.

В современном мире лишь государство в лице своих юридических и медицинских институций обладает легитимным правом конструировать системы категорий девиантности и применять их на практике. Категоризации различных аспектов употребления наркотиков, сконструированные в этих институциях, служат моделями для выработки *реальной* антинаркотической государственной политики. В свою очередь, от того, насколько эти модели приняты в обществе, во многом зависит поддержка или неприятие обществом выбранной государственной политики. Изучение массового сознания по поводу различных аспектов наркотизма необходимо для понимания процессов конструирования социальной проблемы наркотиков – мнение социума является тем подвижным задним планом, на котором происходит конкуренция различных агентств социального контроля, для которых это мнение является как мобилизационным, так и легитимационным ресурсом.

Таким образом, исследование дискурсов доминирующих профессиональных групп о потреблении наркотиков должно быть дополнено исследованием аудитории (то есть тем, к

кому адресуются утверждения-требования) по поводу типизаций наркопотребления, выдвигаемых этими группами. Кроме того, в современном демократическом обществе огромная роль в конструировании социальных проблем принадлежит средствам массовой информации. Именно через них в упрощенном виде непрофессиональная аудитория получает утверждения-требования, сконструированные в профессиональных институциях. Сохранение или изменение той иной системы типизаций наркопотребления является следствием диалектического взаимодействия между политическими, профессиональными, медийными группами и аудиторией.

В четвертом параграфе «Медицинская и уголовно-правовая модели наркотизма» проводится анализ юридического и медицинского дискурсов о наркотиках, на основе которого формулируются идеалтипические уголовно-правовая и медицинская модели наркотизма.

Термины «медицинская модель» и «уголовно-правовая (криминальная) модель» в социологии наркотизма существуют много лет. Основа этого разделения была заложена в работах классика социологии медицины и социологии девиантности, американского социолога Э. Фридсона. Впоследствии эти модели многократно использовались при исследовании наркотизма (П. Конрад, Дж. Оркатт, К. Фокс, Дж. Ходон, Дж. Шнайдер и др.). Изучение дискурсов медицинских и юридических институций, посвященных наркотизму, в ходе которого анализировались тексты профессиональных изданий (книг, учебных пособий, научных статей, тезисов конференций), а также выступления медиков и сотрудников правоохранительных органов в СМИ, позволил построить идеалтипические уголовно-правовую и медицинскую модели наркотизма, отличающиеся друг от друга по семи параметрам.

– *Определение наркотиков и наркотизма.* Согласно медицинской модели наркотик – это одно из множества психоактивных препаратов (в том числе легальных), вызывающих психическое заболевание (наркозависимость), в то время как в уголовно-правовой модели наркотиком является вещество, за незаконный оборот которого следует уголовное преследование. Таким образом, в медицинской модели наркотизм – это, в первую очередь, феномен болезни, тогда как в уголовно-правовой модели – преступности.

– *Причины возникновения наркозависимости.* В медицинской модели наркотизация индивида, как правило, предстает как результат его биологической конституции (предрасположенности к наркомании), либо как следствие его психической или психологической дезадаптации, либо их сочетания. Социальные факторы при этом играют роль провоцирующего фактора, вызывающего стресс и дезадаптацию психики человека, от которых он «лечится наркотиками». Согласно уголовно-правовой модели, причины наркотизации рассматриваются, прежде всего, в моральной плоскости – индивид начинает употреблять и становится зависимым от наркотиков, в первую очередь, из-за своего слабоволия или моральной неустойчивости.

– *Ответственность индивида.* В рамках медицинской модели зависимые потребители не несут ответственности за свои действия, направленные на прием наркотиков, вследствие навязчивого состояния, выражающегося в непреодолимом влечении и потере контроля над употреблением психоактивных веществ, в то время как в уголовно-правовой модели потребители наркотиков являются добровольными участниками преступной «наркоманской» субкультуры и, поэтому, должны нести ответственность за свое употребление наркотиков.

– *Статус индивида.* Согласно уголовно-правовой модели, «наркоманы» рассматриваются, прежде всего, в качестве преступников, в то время как в медицинском дискурсе им приписывается статус больных.

– *Меры, применяемые к индивиду.* В рамках медицинской модели наркотизма, основными действиями, направленными на «нормализацию» индивида, являются лечение и реабилитация, тогда как в уголовно-правовой модели приоритет отдается мерам, связанным с изоляцией и наказанием потребителей наркотиков.

– *Аргументация и стиль.* Для медицинской модели характерна рациональная аргументация, которая отдает приоритет научным, а не моральным суждениям, поскольку знание того, как функционирует организм человека, и понимание того, какие опасности существуют для него, основываются на данных науки и, поэтому, предстают ценностно-нейтральными. Употребление психоактивных веществ в этой модели представляется вредоносным не из-за имманентной аморальности этого акта, а из-за того, что оно связано с рисками для человеческого организма. В уголовно-правовой модели наркотизм признается вредоносным, прежде всего потому, что он разрушает моральный порядок социума – употребление наркотиков презентуется как «аморальное поведение», вне зависимости от его последствий для личности и общества.

– *Индивидуализм и коллективизм.* Медицинская модель характеризуется сочетанием идеологий индивидуализма и коллективизма на равной основе, в ее рамках цель антинаркотической политики заключается как в охране общественного здоровья, так и в защите прав личности (больного наркоманией). Уголовно-правовая модель строится на основе коллективистской идеологии, ставящей благо коллектива выше прав и свобод личности. Согласно этой модели, властные институты облачаются полномочиями, для того чтобы защищать «общественное благо» от посягательств преступного индивида. И в том, и в другом дискурсе есть элементы коллективистской идеологии, основное различие между ними состоит в том, что в медицинском дискурсе речь идет об охране общественного здоровья, тогда как в уголовно-правовом дискурсе задача антинаркотической политики видится в охране общественной морали или моральных границ сообщества.

ГЛАВА 2. Восприятие медицинского и уголовно-правового дискурсов наркотизма в массовом сознании.

В **первом параграфе** «Методология исследования и характеристики выборки» представлено описание методического арсенала эмпирического исследования. Определены основные задачи эмпирического исследования, заключающиеся в изучении отношения рассматриваемых групп к различным параметрам уголовно-правовой и медицинской моделей наркотизма и определении факторов, влияющих на приверженность респондента той или иной модели. Описана авторская анкета, разработанная для решения исследовательских задач. Большая часть вопросов анкеты содержала утверждения, отражающие характерные признаки этих моделей, выделенные в предыдущей главе настоящего исследования. Утверждения формулировались в доступной и понятной для непрофессионала форме. В процессе опроса респонденты должны были выразить степень своего согласия с приведенными утверждениями. Приведены социо-демографические характеристики выборочной совокупности. Общая выборка школьников, родителей и пенсионеров оказалась равной 1292 человека. Объем подвыборки школьников составил 804 человека, родителей – 251 человек, пенсионеров – 237 человек.

Во **втором параграфе** «Наркотики и причины их употребления» анализируется отношение респондентов к тому, что представляют собой наркотики, а также исследуются взгляды респондентов на причины распространения наркотизма в обществе и начало наркотизации индивида.

Все исследуемые группы в большей степени поддерживают медицинское определение наркотиков. Причины наркотизации индивида, выдвигаемые в медицинском дискурсе, получили поддержку всех групп респондентов, однако, среди родителей и пенсионеров они пользуются большим приятием, чем среди школьников, хотя различия эти, будучи статистически значимыми, не столь велики. В то же время биологический детерминизм, свойственный некоторым подходам, развиваемым в рамках медицинской модели наркотизма, оказался чужд всем категориям респондентов. При всем этом, взгляды на причины наркотизации, характеризующие уголовно-правовой дискурс, согласно которым индивид попадает в зависимость от наркотиков вследствие своего слабоволия, встречают даже большую поддержку респондентов, чем медицинские, что свидетельствует о

неоднозначности их позиций в этом вопросе, причем и в этом случае родители и пенсионеры проявили большую степень конформности.

Третий параграф «Типизации наркозависимого индивида» посвящен анализу отношения респондентов к типизациям наркозависимых, характерным для медицинского и уголовно-правового дискурсов.

Данные исследования показывают, что группы пенсионеров, родителей и школьников практически не отличаются друг от друга в отношении приписываемой ответственности зависимому индивиду за употребление наркотиков – все группы показали тенденцию к принятию точки зрения на ответственность, характерную для уголовно-правовой модели. Анализ данных показал, что позиция респондентов относительно ответственности наркозависимых никак не связана со взглядами на причины возникновения аддикции: по мнению опрошенных, потребитель наркотиков несет ответственность за свое употребление, вне зависимости от того, пристрастился ли тот к ним из-за собственного слабоволия, психической патологии или биологической предрасположенности.

Согласно уголовно-правовой модели, «наркоманы» рассматриваются, прежде всего, в качестве преступников, в то время как в медицинском дискурсе им приписывается статус больных. Как показал анализ, для многих из респондентов категории «больного» и «преступника» не являются взаимоисключающими. На основании полученных данных была составлена типология статуса наркозависимого, состоящая из трех условных категорий: 1) «чистый больной» т.е. тот, для кого статус больного служит освобождением от роли преступника (категория полностью соответствующая медицинской модели с парсонсианской ролью больного); 2) «преступный больной», объединяющая обе категории; 3) «чистый преступник», т.е. тот, кого респонденты считают преступником, не имеющим никакого отношения к болезни (категория, находящаяся в согласии с классической уголовно-правовой моделью без медицинской риторики). Результаты исследования позволяют сделать вывод, что идеально-типическая конструкция наркозависимого, принятая в медицинском дискурсе («чистый больной») встречает заметно большую поддержку среди школьников, чем среди родителей и пенсионеров, а «чистый уголовно-правовой» конструкт находит среди старших поколений значительно больше последователей, чем у младшего поколения.

В то же время, категория «преступный больной» получила значительную поддержку во всех группах. Для родителей и пенсионеров она оказалась на первом месте, что говорит о том, что для данной группы смешанные и некогерентные взгляды на потребителей наркотиков являются наиболее характерными. У учащихся эта категория встретила поддержку чуть меньшую, чем конструкт «чистого больного» – факт, свидетельствующий в пользу того, что в массовом сознании этой группы «чистые» медицинские позиции и «смешанные» занимают примерно одно и то же место.

В четвертом параграфе «Коррекционные меры и факторы, влияющие на их выбор» рассматривается отношение респондентов к различным мерам противодействия наркотизму и анализируются факторы, оказывающие влияние на выбор респондентом предпочитаемого типа мер.

Все опрошенные выступили за то, чтобы расходовать государственные средства, в первую очередь, на мероприятия, выдвигаемые в рамках уголовно-правовой модели наркотизма. При этом в группе родителей и пенсионеров действия рестриктивного характера вызывают большее одобрение, чем среди школьников, а доля тех, кто высказался за расширение медицинской помощи наркозависимым, была выше у учащихся.

Необходимо отметить, что подавляющее большинство респондентов поддержали увеличение медицинской помощи наркозависимым, несмотря на то, что не считали их больными, и то, что заметная часть опрошенных выступила за ужесточение борьбы с потребителями наркотиков, несмотря на то, что не рассматривала их в качестве преступников. Это говорит о том, что статус потребителя психоактивных препаратов (больной/преступник) и комплекс мер, предлагаемых для их «исправления» – лечения или изоляции, не предстают в сознании респондентов строго взаимообусловленными – для

большей части из них, из одного не обязательно вытекает другое. Этот факт является дополнительным свидетельством амбивалентности позиций респондентов, не обладающих достаточной степенью когерентности с точки зрения соответствия идеальным типам уголовно-правовой и медицинской моделей наркотизма.

Тем не менее, статус потребителя наркотиков и меры, предлагаемые в рамках доминирующих моделей, оказались связаны. В глазах респондентов всех групп «преступный» статус наркопотребителей является достаточным условием, для того чтобы опрошенные были более склонны одобрять ужесточение их преследования, чем те, кто преступником их не считает. Вместе с тем, для родителей и пенсионеров статус «больного» – необходимое условие смягчения их позиции в отношении преследования наркозависимых, а для школьников это условие таковым не является.

Более 70% респондентов полагают, что антинаркотическая политика должна стремиться к полному искоренению наркомании, чуть менее 30% – к удержанию наркотизма на средневропейском уровне. Первую группу можно классифицировать как «утопистов», так как в современной истории еще ни разу не было региона или периода, когда количество потребляющих наркотики равнялось нулю, в то время как вторую группу можно условно назвать «реалистами», поскольку удержание европейского уровня наркотизма – задача значительно более реальная, чем полная ликвидация наркопотребления в обществе.

Анализ результатов показывает, что чем более реальных плодов ожидает респондент от этой политики, тем меньшую поддержку оказывает он мероприятиям рестриктивного характера, и тем большую – комплексу действий, направленных на профилактику и лечение наркомании.

Результаты исследования свидетельствуют также о том что, чем хуже оценивает респондент наркоситуацию, тем большее одобрение вызывают у него меры по ужесточению преследования наркопотребителей. В группе школьников существует также другая закономерность: чем более негативной предстает современная ситуация с наркотиками в России в глазах респондента, тем менее перспективным он считает финансирование программ по лечению наркозависимых.

Рассмотрение триады ответственности, степени воспринимаемой опасности наркотизма и мер в отношении потребителей позволило сделать следующий вывод: позиция респондента в отношении ужесточения преследования наркопотребителей зависит не от вменяемой ответственности («вины») индивиду за потребление наркотических веществ, а от уровня ощущаемой опасности наркотизма и наркозависимого – те, респонденты, что не видят в наркотизме особой угрозы, в меньшей степени поддерживают меры по преследованию потребителей наркотиков, чем те, кто полагает, что наркотизм представляет опасность для самого существования государства. Таким образом, страх перед наркозависимым, а не его «вина» влияет на вероятность применения к нему репрессивных мер.

В пятом параграфе «Морализм, рациональность и идеология» рассматриваются отношение респондентов к различным типам аргументации об опасности наркотиков, выдвигаемым в медицинском и уголовно-правовом дискурсах, и идеологическая приверженность респондентов в «наркотическом вопросе».

Моральная аргументация, выдвигаемая в уголовно-правовом дискурсе наркотизма, оказалась более убедительной для всех исследуемых групп, чем рациональные аргументы, приводимые в медицинском дискурсе. Тем не менее, среди школьников последние находят заметно больший отклик, чем у родителей и пенсионеров, среди которых моральные аргументы пользуются большей относительной поддержкой. Приоритеты в типе аргументации и репрессивные меры в отношении наркозависимых взаимосвязаны: отдавшие предпочтение моральной аргументации, в большей степени поддержали ужесточение преследования наркопотребителей, по сравнению с теми, для кого рациональные аргументы опасности наркотизма представляются более убедительными. При этом, чем более утопичные ожидания от антинаркотической политики имеет респондент и чем хуже он оценивает современную российскую ситуацию с наркотиками, тем больший отклик вызывает

у него моральная аргументация, развиваемая в уголовно-правовом дискурсе наркотизма, и тем меньший – рациональные аргументы, присущие медицинскому дискурсу.

Идеологические убеждения респондентов оказались достаточно сильно связаны с предпочитаемым типом аргументации: те из респондентов, кто нашел моральную аргументацию более убедительной, чаще оказывались на коллективистских позициях, по сравнению с теми, кто высказал приверженность рациональной аргументации. Соответственно, ценности индивидуализма чаще разделяли те, кто поддержал рациональную, а не моральную аргументацию. Отсюда следует, что в отношении такого феномена как наркотизм, «морализм» оказывается в одной связке с коллективизмом, а «рационализм» – с индивидуализмом.

Данные исследования позволяют заключить, что, чем большую опасность видят респонденты в таком явлении как наркотизм, тем в большей мере они склонны разделять коллективистскую идеологию и думать о защите морального порядка общества от наркопотребителей, и, наоборот, если респонденты не считают опасность, исходящую от наркотизма, значительной, индивидуализм с его акцентом на помощи наркозависимым становится для них более притягательным. Ощущение опасности ведет к борьбе за моральную чистоту рядов.

ГЛАВА 3. Конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ.

В первом параграфе «Наркомания в пространстве внимания средств массовой информации» представлены общие контуры конструирования петербургскими печатными СМИ проблемы наркотиков за период с 1997 по 2005 год в контексте общероссийской ситуации. При анализе публикаций использовалась концепция моральной паники.

Как показало исследование, резкий подъем интереса средств массовой информации к теме наркотиков как в российских, так и в петербургских печатных СМИ отмечался в 1997 – 1998 годах, когда число публикаций, затрагивающих эту тему, выросло примерно в 1,7 раза. В 2001 году количество публикаций с упоминанием наркомании достигло абсолютного максимума, вслед за чем вплоть до настоящего времени можно наблюдать устойчивое снижение внимания прессы к проблеме наркотиков. Уже к 2003 году число материалов в этих газетах, касающихся наркомании, оказалось примерно равным числу статей, затрагивающих эту тему в 1998 году.

Одна из особенностей моральной паники заключается в стремлении агентов, участвующих в ее конструировании, представить ситуацию как катастрофическую. Эту особенность можно было наблюдать при анализе публикаций, посвященных проблеме наркотиков, изобилующих такими выражениями как «национальная катастрофа» и другими фразеологическими оборотами, призванными вызвать у читателя неминуемость наркотического апокалипсиса.

Другая характерная черта моральной паники состоит в диспропорциональности реакции общественных институтов на то или иное условие, т.е. в несоответствии представлений об этом условии с реальной величиной его опасности. Сравнительные данные по наркотизму в России, и в странах Западной Европы и США свидетельствуют о том, что параметры наркотизма в России в конце 90-х годов были примерно на средневропейском уровне и ниже, чем в США. Таким образом, при условии того, что наркоситуация в Европе не представляет собой «национальную катастрофу», длящуюся десятки лет, реакция российских и петербургских СМИ на российский уровень наркотизации населения отвечает критерию диспропорциональности.

Данные исследования свидетельствуют о том, что в том, что касается «катастрофичности» определения ситуации, положение в Санкт-Петербурге не сильно отличалось от общероссийского контекста, и в этом соответствовало одному из критериев моральной паники – преувеличению размера опасности того или иного условия. Однако, другим не менее важным ее критерием является создание образа «народного дьявола» – или «козла отпущения», персонально ответственного за существующее положение вещей, в

данном случае – наркозависимого. Конструирование образа «народного дьявола» часто встречалось в общероссийских средствах массовой информации. Тем не менее, подобная демонизация наркозависимых не была характерна для петербургских СМИ. Им была свойственна более амбивалентная позиция по отношению к наркозависимым как к преступникам-жертвам. Это не позволяет говорить о «полноценной» моральной панике в петербургских СМИ. Несмотря на то, что ситуация часто описывалась как катастрофическая, демонизации наркозависимых, за исключением краткого периода в первой половине 2002 года, как таковой в исследовании выявить не удалось. Вместе с тем, в краткий период начала 2002 года подобная демонизация наблюдалась, что позволяет квалифицировать ситуацию в петербургских СМИ того времени как моральную панику.

Второй параграф «Дискурсивные стратегии СМИ по презентации проблемы наркотиков» посвящен определению дискурсивных стратегий СМИ, направленных на конструирование чувства повышенной опасности наркомании; определению мобилизационных стратегий СМИ и стратегий по легитимации продвигаемого определения ситуации; анализу того, как в СМИ конструируется образ «другого» - наркозависимого.

Данные исследования свидетельствуют о том, что и для общероссийских, и для петербургских СМИ характерны дискурсивные стратегии, направленные на создание чувства повышенной опасности наркомании. В работе был определен ряд дискурсивных стратегий такого рода.

1. *Спираль сигнификации* – способ сигнификации (обозначения) общественных проблем для увеличения воспринимаемой угрозы, путем отождествления сигнификатора с более опасным условием (например, называть употребление наркотиков «чумой», «национальной катастрофой»).
2. *Конвергенция проблем*. При конвергенции проблем в процессе сигнификации два вида активности связываются между собой с целью увеличения действия и размера опасности. (Наркотерроризм – проблема наркотиков путем сигнификации связывается с проблемой терроризма, наркоинтервенция – наркотики+интервенция).
3. *Автоматическая проблематизация*. В этой стратегии с проблемой наркотиков связываются другие социальные проблемы, такие как преступность и СПИД. Целесообразно назвать такую проблематизацию автоматической, поскольку величина и опасность этих проблем-сателлитов автоматически ставятся в прямую зависимость лишь от количества людей, употребляющих наркотики.
4. *Социальная работа по категоризации*. В данной стратегии все люди, употребляющие любые наркотики с любой частотой, относятся к одной категории - «наркоманы».
5. *Селективная типизация*. При презентации СМИ преступлений, связанных с употреблением наркотиков, случаи тяжких преступлений (убийство) подаются как типичные, о них пишется больше всего, в то время как доля наркозависимых, совершивших такого рода преступления (по данным различных исследований) крайне мала.

В работе были определены мобилизационные стратегии СМИ, такие как риторика катастрофы, призванная объединить всех участников рынка социальных проблем под один символический зонтик, и стратегия прямой мобилизации – публикация различных телефонов доверия силовых структур.

Легитимация определения ситуации, презентуемой СМИ, осуществлялась с помощью апелляции к мнениям экспертов, которыми выступали представители правоохранительных органов, медицинских структур и сами наркозависимые. Вторая стратегия по легитимации – это устранение конкурентных определений ситуации, которые ставят под сомнение навязываемую картину мира. Журналисты пользуются оборотами «всем известно», «во всех странах» и т.п., т.е. пытаются нейтрализовать дискуссию, показать ясность и непротиворечивость их решения и монополизовать дискурс. Все остальное объявляется мифами и отбрасывается без рассмотрения. Часто приводятся заявления о том, что есть некоторые таинственные силы, пытающиеся проводить либеральные законы. При

этом сами эти силы в дискурсе СМИ периода моральной паники практически не были представлены. Более того, сторонники противоположной точки зрения объявлялись преступниками и обвинялись в пропаганде наркотиков – административном преступлении, или в сговоре с наркомафией. Таким образом, происходит не только монополизация дискурса, но и попытки криминализации контр-дискурса (в рамках которого признается возможность смягчения наркотических проблем не только с помощью снижения числа потребителей наркотиков, но и с помощью программ снижения вреда).

В третьем параграфе «Взаимоотношения СМИ с различными акторами антинаркотического пространства Санкт-Петербурга» представлен анализ репрезентаций петербургскими СМИ антинаркотической деятельности медиков, сотрудников правоохранительных органов и общественных организаций.

Взаимоотношения СМИ с правоохранительными органами носят противоречивый характер. С одной стороны, эти органы облечены доверием СМИ в борьбе с наркоманией, а с другой – подвергаются частой критике. Эта критика делается по двум основным направлениям: 1) низкая эффективность правоохранительных органов в борьбе с наркобизнесом; 2) преследование рядовых потребителей наркотиков.

Сложными являются также отношения СМИ с медицинскими структурами. Несмотря на то, что мнения медиков наиболее часто появляются на страницах петербургской прессы, и роль их как главных экспертов по проблеме наркозависимости не подвергается сомнению, к ним имеется и ряд серьезных претензий. Они касаются: 1) слабой эффективности лечения и реабилитации наркомании; 2) преследования корыстных интересов; 3) бюрократизма и косности медицинских структур; 4) недостаточной гуманности по отношению к наркозависимым и их «клеймения». Из всех агентов, действующих в антинаркотическом пространстве, в наиболее позитивном свете СМИ презентуют деятельность общественных некоммерческих организаций.

В свою очередь, медики и сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся проблемой наркотиков, часто обвиняют СМИ в пропаганде наркотиков.

В четвертом параграфе «Анализ факторов, повлиявших на изменение положения проблемы наркотиков в пространстве внимания СМИ» определяются факторы, оказавшие влияние на резкий взлет и последующую утрату интереса СМИ к проблеме наркотиков.

Первой группой факторов являются изменения в институциональной арене СМИ. Стремительному взлету проблемы наркотиков в пространстве внимания СМИ способствовал драматизм этой проблемы, ключевыми составляющими которого были: новизна проблемы; вовлеченность в нее уязвимых групп (детей и пенсионеров); рост показателей наркотизации; связь проблемы наркотиков с культурными кодами сообщества (восприятие наркотика как «загрязняющего вещества»). К резкому падению проблемы наркотиков в пространстве внимания СМИ привели снижение драматизма социальной проблемы, вызванное утратой «силы новизны» и инфляцией драматических посланий; рутинизация наркомании в массовом сознании; стабилизация показателей наркотизации в России; появление более конкурентоспособных социальных проблем (в первую очередь, проблемы терроризма).

Второй группой факторов, повлиявших на трансформацию интереса прессы к проблеме наркотиков, послужили изменения в макросоциальном контексте современной России. В работе было показано, что проблема наркомании являлась лишь одним из примеров общей борьбы за моральные границы в российском обществе 90-х гг., характеризовавшимся глубоким социальным кризисом. К этому времени относится подъем российского «неоморализма», выразившийся в «моральных битвах» на различных аренах общественного дискурса и действия (в том числе и СМИ) вокруг таких феноменов, как гомосексуализм, порнография и половое просвещение. Процессы стабилизации политического, экономического и социального порядков, начавшиеся в России в начале нынешнего тысячелетия, и сопровождающее эти процессы, ослабление кризиса легитимности власти и социальной турбулентности привели к снижению остроты ощущения, что российское общество находится на пороге морального коллапса. Следствием этого явилось уменьшение

интенсивности борьбы вокруг различных феноменов, определяемых как «аморальные», в том числе и вокруг наркомании. В свою очередь, интерес СМИ к этим феноменам заметно упал.

В **Заключении** представлены выводы диссертационного исследования и сформулированы рекомендации, которые могут быть использованы в информационной антинаркотической политике, антинаркотических программах и PR-кампаниях антинаркотической направленности, с целью повышения их эффективности, преодоления социального исключения наркозависимых и защите их прав, а также увеличения общественной поддержки мер реабилитационного характера в отношении наркозависимых.

Основные результаты диссертации опубликованы в следующих работах:

Публикации в рецензируемых научных журналах:

1. Дискурс прессы и пресс дискурса: конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. №4 (7). С. 135-151. 1,2 п.л.

Прочие публикации:

2. Правовая политика и идеология. В сб.: 3-я Городская научно-практическая конференция «Межведомственное взаимодействие в профилактике наркотизма». Тезисы докладов. СПб., 2002. С. 20-28. 0,5 п.л.
3. Опасности моральной паники по поводу наркотиков // Кредо-Нью. 2003. №1(33). С. 216-233. 0,8 п.л.
4. Наркомания в зеркале СМИ // Профилактика потребления психоактивных веществ и пропаганда здорового образа жизни в Санкт-Петербурге, СПб.: ЦРНО, 2004. С. 129-143. 0,8 п.л.
5. Наркомания в криминальном и медицинском дискурсах // Философия образования и мир детства. Материалы 11-ой международной конференции «Ребенок в современном мире. Государство и дети». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 789-799. 0,4 п.л.
6. Публичное пространство в дискурсе российского неоморализма // Актуальные аспекты проблемы толерантности в современном мире / Под ред. И.Л. Первой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 151-159. 0,7 п.л.
7. Очищение публичного пространства в современном российском дискурсе неоморализма. Научно-практическая конференция «Российское общество и власть: проблемы взаимодействия». Тезисы докладов. СПб., 2004. 0,1 п.л.
8. Моральная паника вокруг наркотиков в России: почему она закончилась? // Метафизика семьи и государственная политика. Материалы 12-ой международной конференции «Ребенок в современном мире. Семья и дети». СПб.: Издательство Политехнического университета, 2005. С. 694 – 703. 0,5 п.л.
9. Политологические и идеологические аспекты наркологии // Наркомания и наркология в России в зеркале общественного мнения и профессионального анализа / Под ред. В.Д. Менделевича. Казань: Медицина, 2006. С. 122-153. 3,2 п.л.
10. Человек наркозависимый: свободный преступник или больной раб? Анатомия криминального и медицинского дискурсов наркомании // Наркотизм, Наркомании, Наркополитика / Под ред. А.Г. Софронова. СПб.: Медицинская пресса, 2006. С. 103-120. 1,1 п.л.
11. The Discourse of the Press and Press of Discourse: Constructing the Drug Problem in the Russian Media // C. Critcher (ed.) Critical Readings: Moral Panics and the Media. London: Open University Press, 2006. Pp. 175-188. 0,8 п.л.